

Елена Сазанович

Прекрасная мельничиха

Елена Сазанович

Прекрасная мельничиха

«Автор»

1989

Сазанович Е. И.

Прекрасная мельничиха / Е. И. Сазанович — «Автор», 1989

ISBN 978-5-457-21400-2

В 1990 году журнал «Юность» опубликовал повесть Елены Сазанович «Прекрасная мельничиха», сразу ставшую лауреатом ежегодной литературной премии имени Бориса Полевого. Повесть перелицовывает известный фаустовский сюжет так, что за познание истины героине приходится расплачиваться не душой, а телом — молодостью, красотой, сексуальной свободой. Молодую женщину, не удовлетворенную своей жизнью, поиски ответов на «вечные вопросы» приводят к ворожее. Та, обещая просительнице желаемую свободу, счастье, любовь, помещает женщину в абсурдный мир, постепенно «избавляющий» ее от свободы, любви и жизни.

ISBN 978-5-457-21400-2

© Сазанович Е. И., 1989

© Автор, 1989

Елена Сазанович

Прекрасная мельничиха

Проходи. Не споткнись. Так. Тут налево. Теперь направо. Прямо. Света нет. И не будет. Я живу без света. Почему? Вовсе я не крот. Еще чего! Просто мне нравится жить без света. Ты разве не читала, что свет разрушает мозговое вещество? Осторожно. Как ты только умудряешься спотыкаться? Не ойкай. Этомышь. Уже пришли. Поднимай повыше ноги. Тут порог. Высокий, кстати. Обязательно надо головой удариться. Дылда. Вымахала, а осторожности ни на грош. Погоди. Сейчас зажгу свечку. Теперь нормально. Закрой дверь за собой. Боишься? Ну, не закрывай. Не настаиваю. Ну-с, я тебя слушаю.

Свеча осветила старуху. Старуху – это еще мягко сказано. Свеча осветила безобразную старуху. С бледным лицом. На спине у старухи был горб. Создавалось же впечатление, что он ей вовсе не в тягость. Напротив. Он ей был даже кстати. Он подходил ее красным глазам. (В красных глазах нет ничего страшного. Просто лопаются сосудики в глазном яблоке. И глаза краснеют. Это часто случается у старых людей.) Ее курносому носу, покрытому черными оспинками. Ее длинным ногтям, в которых постоянно застревали кусочки грязи.

Но старуха оказалась женщиной аккуратной. И постоянно выколупливала эти кусочки палочкой из-под леденцов. Двигалась старуха со своим горбиком, как балерина. Плавно. Чуть подпрыгивая после каждого шага. Никогда в жизни не видела, чтобы горб так был к лицу.

– Ну-с, я тебя слушаю, – повторила старуха свой вопрос.

И я тут же поняла, что меня в ней удивило больше всего. Голос! У нее был совсем юный голос. И это не то чтобы пугало. Просто становилось как-то не по себе.

– Ну-с, я тебя слушаю.

– Меня? Ах, да! Я по делу. Конечно. Дело в том, что я прочитала объявление. Вы мне сможете помочь?

– Объявление? Помочь? Ничего не понимаю! Да не давала я никакого объявления. Я никогда не даю объявлений. Не мое это дело – давать об... А что за объявление?

– Там написано, что вы сможете помочь. Ну, тем, кто нуждается в помощи.

– Ты нуждаешься в помощи? – засмеялась старуха, и оглядела меня с ног до головы.

С ног до головы я выглядела великолепно. Что и говорить! И конечно, по внешнему виду мы со старухой очень уж мало соответствовали друг другу. Я была раза в два выше нее. Ноги мои росли от самой шеи. Глаза... Ах, глаза, глаза. Мои славные порочные глаза...

Старуха поднялась на цыпочки, и погладила меня по голове.

– Почему стриженная?

– Я? Ну как-то это... В общем... Видите ли...

– На Агузарову похожа.

– Неправда, – обиделась я. – Я симпатичней.

– Что ты понимаешь! Агузарова – шарм. Тебе до нее... – Старуха махнула рукой.

– А можно присесть? – спросила я. И бухнулась на обшарпанный табурет. Старуха села на пол. Горбом оперлась на стену. И руками обхватила белые острые коленки. Могла бы и чулки надеть. Очень приятно мне смотреть на ее костлявые ноги.

– Не нравится – не смотри, – обиделась старуха.

– Что вы! Мне очень нравятся! Даже очень! Ваши колени... Они такие...

– Не ври.

– Я никогда не вру. Это некрасиво – врать. Очень неприлично...

– По тебе видно.

– Что по мне видно?

– Что любишь крепкий кофе. Дорогие сигареты. Хорошее вино. И красивые вещи.
– Я еще люблю музыку.
– Правда? – обрадовалась старуха. И притащила из соседней комнаты рояль. – Сбацаешь?

– Это обязательно?

– Угу.

Я села за рояль. И сбацала. Все, что помнила. А помнила я, если честно, очень мало. Несколько вариаций к «Прекрасной мельничихе».

– Людвиг ван Бетховен, – протянула старуха. – Бет-хо-вен, – повторила протяжно старуха. Словно пробовала на вкус фамилию классика.

– Я рада в вас найти единомышленника. Вы так прекрасно разбираетесь в классической музыке. Это, знаете ли, такая редкость сегодня. Но... Но я вообще-то не о музыке с вами хочу поговорить...

– Как ты думаешь, она была и впрямь прекрасна?

– Кто?

– Эта мельничиха.

– Я не знаю. Не знаю. Наверно. Хотя... – Меня начинала раздражать эта наглая старуха. И так захотелось пнуть в нее чем-нибудь твердым.

Старуха вытащила из кармана замусоленного фартука огромный гранат. Нож. И тарелку. Медленно разрезала гранат на четыре части. И так же медленно начала доставать по одному зернышку. Аккуратно обсасывать его со всех сторон.

– Хочешь чего, говори.

– Хочу. Понимаете, хочу... Чтобы помогли, хочу.

– Говори.

– Я была у психиатра.

– Мужик или баба?

– Мужик. При чем тут это? – возмутилась я.

– Ну да. Ни при чем. И что он?

– Он – ничего. Вернее, он ничем не помог мне. Совсем ничем. Он хотел усыпить меня.

Но я не уснула.

– Что потом?

– Потом я отдала ему деньги. И ушла.

– Много?

– Я не знаю. Не помню. Я плохо разбираюсь в деньгах. Но это были деньги. Это точно были деньги.

– И что?

– Потом я шла по городу. И была метель. Сильная. И я пошла не в ту сторону. Представляете, совсем в другую сторону. И на столбе. Пойдите. Я даже помню. Там еще сотый автобус останавливается.

– Я слушаю.

– На том столбе висело объявление.

– Объявление с собой?

– Нет. Но я... Вы извините, пожалуйста, его уже нет. Но оно было. Я не вру. Было! Было!

– Где оно?

– Я пошла в пивную. Вы только не подумайте, что я алкоголичка. В пивной был свет. Только в пивной, а кругом такая темнота. И еще тепло там было. Только там. Я пошла на свет и тепло. К тому же очень хотелось есть.

– Было вкусно?

- Очень! Я ничего подобного в своей жизни не ела.
- Ты его быстро выпила?
- Я выпила его залпом. Но мне постоянно мешали. Вокруг стояло столько мужчин. Они хватили меня за пальто. Ой, извините. Можно снять пальто? Как-то жарко у вас. Можно?
- Что мужчины?
- Какие? Я не знаю никаких мужчин. Зачем мне мужчины? При чем тут... Ах, в пивной? Ну какие там мужчины. Они все время смеялись. Кто-то ущипнул меня за коленку. Так было больно.
- Ты отбивалась?
- Не могла. Поймите! Одной рукой я держала кружку. Другой – пирожок.
- А объявление?
- Понимаете, мне надо было уже идти. Быстро-быстро. Я не люблю, когда меня щупают. Бежать надо было. Но руки. Они такие жирные. Липкие. А у меня ничего с собой не было.
- А объявление?
- Ну, я им и вытерла руки. Ах, извините, пожалуйста, что я им вытерла руки. Вы меня, наверное, осуждаете. Но прошу вас извинить...
- Извиняю. Тем более – это не мое объявление.
- Но это неправда. Там был написан ваш адрес. Я его хорошо запомнила. И сразу же пришла к вам.
- Я тебе нравлюсь?
- Вы? Очень! Конечно. Я сразу же поняла. Вы мне поможете. Только вы. Я поэтому не ушла. Я сниму ботинки. Вот теперь совсем благо... – Вы уже едите свой гранат ровно час.
- А сколько я его должна есть?
- Как сколько? Минуту! Секунду! Вы понимаете? Вы по зернышку выколупливаете. Медленно так. Аккуратненько. Я так не умею. Смотрите!
- Я выхватываю из рук старухи гранат. Лихорадочно грызу его. Глаза мои блестят. Скулы возвращаются, как колеса.
- Вы меня понимаете? Я не могу по-другому. Я хочу сразу. И все.
- Да. Но на твоих белых колготках красные пятна от сока.
- Пусть! Но поверьте! Вы в своей умеренной трапезе выглядите гораздо омерзительнее, нежели я.
- Ну-с?
- Я не могу вот так. По частям. Медленно. Размеренно. Умеренно. Я не могу сдерживаться. Хоронить все в себе.
- Что ты предлагаешь?
- В жизни все движется равномерно. Она поэтому и такая долгая – жизнь. Поэтому она растягивается на месяцы. Годы. Чувства наши мы отдаем по месяцам. Годам. Они разбросаны по мелочам. И все ради того, чтобы подольше жить. Я так не хочу. Я хочу, чтобы все, что разбросано по годам, соединилось в одно целое. И воспользоваться в один день тем, что мне выделено на целую жизнь.
- Ты не пробовала играть в театре?
- Не то! Не то вы говорите! Не то! Конечно, пробовала. Я думаю, вы сами могли бы об этом догадаться. Я не хочу испытывать за других то, что могу испытать сама.
- Наркотики? Алкоголь?
- Все было... Ну, ясно, было... Но потом наступает утро. Вы бы знали, какое утро! Когда хочется удавиться от стыда! Когда осознаешь, что все чувства выплеснуты напрасно. И попали не в ту мишень. Когда осознаешь, что это больные, бредовые ощущения. Из которых половину не помнишь. И слава Богу! Я хочу помнить все. Я хочу, чтобы мой мозг работал

сознательно. Иначе нет смысла. Я хочу реальных чувств. До которых можно дотронуться. У которых есть свой запах. Свой цвет. Я не хочу иллюзорных наслаждений.

– Значит, ты решила...

– Да.

– Что ж. Ты сама себе выбрала судьбу.

– Я не пожалею. Сколько мне это будет стоить?

– О расплате не беспокойся. Все всегда воздается по праву. Что получишь, то и отдашь.

– Я понимаю.

– Твои пожелания. Какие чувства ты хотела бы испытать?

– Те, которые испытать до конца невозможно.

– Ну-с, и какие чувства? Какие ты желаешь испытать до конца?

– Я? Ой, простите. Ну, конечно же, я. Кто же еще? Можно, я сниму юбку? У вас так жарко. Духота такая. Почему у вас такая духота?

Я снимаю юбку. Бросаю ее на пол. Остаюсь в белых колготках и свитере.

– Ты меня слушаешь? – совсем неожиданно я перешла на «ты».

Старуха не удивилась. Мне показалось даже, что она давно ждала этого.

– Мне надо совсем мало. Совсем капельку. Я больше не попрошу. Я постараюсь не затруднять тебя. Честное слово. Пречестное.

– Короче.

– Я хочу узнать до конца то, чего узнать до конца невозможно. Ты меня внимательно слушаешь? Свободу! Старуха скривилась.

– Именно свободу! Бабушка, ты понимаешь? Старуха кивнула.

– Дальше? Господи, что же дальше? Дружбу. А что это? Состояние? Просто факт? Ну хорошо, пусть будет факт. Слово какое-то неуклюжее.

Старуха внимательно разглядывала свою голую коленку. И мне показалось, что она меня вовсе не слушает.

– Почему ты меня не слушаешь? Еще любовь! И счастье! – выпалила я на одном дыхании.

– Счастье? – переспросила старуха. – Ну, что ж. Пусть будет счастье. Если так тебе этого хочется.

Старуха встала. Встала я. Старуха пошла. Пошла я. Старуха остановилась. Остановилась я.

– Может, еще сбацаешь? Так. На всякий случай. Может, больше не придется.

– Я ничего не помню. Кроме «Мельничихи». Но мне она не нравится. Хотя она и прекрасная. И хотя Бетховен. И потом, из меня никудышный музыкант. Ах, лучше не проси.

– Как хочешь.

Старуха схватила одной рукой рояль. Другой табурет. И утащила их. В комнате ничего не осталось. Кроме свечи на подоконнике. И моих вещей. Небрежно валяющихся на полу.

– Собери вещи, – приказала старуха. – И вынеси в коридор.

Я послушно собрала их и бросила в коридоре.

– Колготки сними и застирай.

– Нет. Нет. Я не буду стирать. Я не люблю стирать. Я их лучше выкину. И куплю новые. Правда, у меня нет денег. А хочешь, я их подарю тебе? Они не порванные. Не зашитые. Я не ношу зашитых колготок. Они тебе нравятся?

– Ладно уж. Возьму. Мне нравится белый цвет. Я быстренько сняла колготки. И преподнесла их старухе. А сама осталась в трусиках и свитере.

Старуха притащила из соседней комнаты солому. И постелила на пол.

– Ложись, – буркнула она мне. Я улеглась на солому.

– Спасибо. Я не знаю, как тебя благодарить. Не знаю. Это так любезно с твоей стороны. Так неожиданно. Так благородно. Так...

– Спи. Завтра вечером приступим к работе. День можешь провести по своему усмотрению. Слышишь? Это твое право. Хорошенько подумай. Взвесь. Ты меня поняла?

Старуха забрала свечу. И ушла. Даже не пожелав мне спокойной ночи. Видимо, догадывалась. Нет! Знала, чертовка, что, желай не желай, ночь спокойной не будет.

Я попыталась уснуть. Но уснула только под утро. Мне приснилась старуха. Я стояла перед ней на коленях. Она держала за хвост раздавленную мышь. И перед моим носом покачивала ею. А я, как кот, пыталась ухватить мышь зубами. Но у меня это никак не получалось. Наконец я укусила старуху за руку. Старуха вскрикнула. Мышь выскользнула из ее рук. Я на лету схватила ее зубами. И проглотила. Старуха засмеялась. И сказала, что это вовсе не мышь. Это то, за чем я пришла. От неожиданности я подавилась. Закашлялась. И проснулась.

Я проснулась. И сразу же решила, что пора смываться. Что я была не права. И все себе придумала. И вулкан страстей. И белые колготки. И мышь. Я крикнула старуху. Мне не ответили. Старухи нигде не было. Я стала одеваться. Нигде не оказалось моих белых колготок. Интересно, где они. А от меня еще на ключ запирается. Черт! Я хлопнула себя по лбу. Я же сама ей подарила. Я с трудом натянула ботинки на босые ноги. И выскочила на улицу. На улице меня встретил сильный мороз. Слава Богу, что без ветра. Но мороз и без ветра умудрялся ловко щипать меня за голые коленки. Постепенно я привыкла к морозу. Даже перестала его чувствовать. Зачем мне сдалась старуха, думала я. Разве в моей жизни мало свободы? Или любви? Или счастья? Вовсе нет. Напротив. Очень даже много. У меня нет только денег. Но не в деньгах счастье. Тем более, если есть остальное. Деньги – не проблема. Я вскочила на скамейку. И положила шапку под ноги.

– Пушкин. «К Чаадаеву»! – крикнула я во весь голос название стихотворения, которое лучше всего помнила из школьной программы.

Но меня схватили за руки. И стащили со скамейки. Я все-таки успела схватить шапку. В которую кто-то милостиво успел бросить две копейки. Ничего себе. Гения в две копейки оценили. А эти чего ко мне прицепились? Что я такого натворила? Во-первых, я честно хотела заработать. Организовала собственное выступление. Люди, может, уже и думать забыли про Пушкина. Я сделала доброе дело – напомнила. И потом, почему на Пушкина я должна спрашивать разрешение? Но мое мнение никого не интересовало. Меня потащили в высокое здание. Внутри оно пестрело какими-то символами, знаками, атрибутами. В кабинете, куда меня не очень вежливо пригласили, сидело много мужчин. Все они были в очках. И шляпах. И все они не предложили мне сесть. Хотя я была единственной женщиной. Хамы. И я, не дожидаясь приглашения, бухнулась в кресло.

– Встаньте, – сказал мне хор шляп. Дулю, подумала я. И встала.

– Вы знаете, что в продаже есть полное собрание сочинений Александра Сергеевича?

– Знаю.

– Вы знаете, что в библиотеке можно свободно взять полное собрание сочинений Александра Сергеевича?

– Знаю.

– Знаете ли вы, что наш народ достаточно просвещен? У нас всеобщее среднее образование. Вы это знаете?

– Знаю.

– Что из этого следует? Из этого следует, что читать в центре цивилизованного города Пушкина вовсе не обязательно.

Сейчас я им выскажу. Вот сейчас. Скажу, что они шляпы. А еще очкарики. И жлобы.

– Так получилось. Понимаете... – проямлила я. И опустила голову.

– Но вы же не сознательно это сделали? Ну? Не сознательно? Нет? Ну? Нет? Нет?

Как же. Не сознательно. В полном и ясном здравом смысле. Разве может быть не сознательно желание заработать? Вполне здоровое желание.

– Я? Нет. Что вы! Какое там сознание! Что-то со мной случилось. Что-то на меня нашло. Где-то сдвинулось. Было холодно. А я без колготок.

– Кстати, почему? Это что – новый вид протеста?

– Что вы! Какой уж там протест. Когда такая холодина. У меня просто нет денег на колготки. Я как-то... Что-то меня... И ветер начался. А тут эта скамейка.

Я почувствовала, как меня со всех сторон сжимают атрибуты. Я оказалась во вражеском окружении. Мне захотелось их разбить. Разломать. Бросить на пол. Топтать ногами. Вот сейчас...

– Почему вы не имеете денег?

– Почему? Почему не имею? Как почему? Они кончились. Деньги есть. А потом раз – и их нет. Так бывает. И очень часто. Почти всегда. А помощи ждать неоткуда.

Я уже собой не владела. Мной владел дикий, животный страх. И откуда он только берется?

– Мы вам поможем с деньгами. Но вы должны извиниться. В этом ничего такого вовсе нет. Просто дадите честное слово. Что никогда ничего подобного в своей жизни больше не выкинете. Ладненько?

Извиниться? Перед кем? Что-то я не совсем понимаю. Я знаю, что передо мной должны извиниться. За то, что сделали больно. Сейчас я плюну в эти рожи. Плюну. Черт побери! Я начала сосредоточенно собирать слюну. Двигала челюстями. Шевелила яростно языком. Мне хотелось собрать слюны как можно больше. Чтобы хватило на всех.

– Здесь двадцать пять рублей. Вам на колготки хватит?

– Да, да. Извините за все. Конечно. Хватит. Хотя я не разбираюсь в деньгах. Но столько и в руках не держала. Это так мило с вашей стороны. Вы так любезны. Черт с этим Пушкиным. Он действительно лучше воспринимается на глаз. Чем на слух. Ах, как я была не права! Но я вовремя одумалась. Конечно...

Я пятилась к двери. Прижимая к груди двадцатипятирублевку.

– А вы заходите. Заходите. Если что увидите. Услышите. Знаете, эти любители поэзии. Они так несобранны. Их некому направить на путь истинный. Путь праведный. А мы желаем только добра. Иначе какой смысл жить. Иначе нет смысла в жизни.

– Да. Да. Я вас так понимаю. Я разделяю вашу точку зрения. Добро ближнему. Это так...

Я выскочила за дверь. В бессилии плюхнулась на пол. И закрыла глаза. И сразу же почувствовала, как чья-то теплая волосатая ладонь ползает по моей голой коленке. Я вскочила. Передо мной сияло очкастое лицо в шляпе.

– Что вам надо?

– Совсем мало. Плитку шоколада. Хи-хи-хи. Вы же не дурочка. А? Должны понимать. Это так просто. Ничего просто так не кончается. Это не шуточки. Пушкин! На вас уже составлены бумаги. Мелочь. Как там? Собрать бы книжки все. Да сжечь? Пушкин? Ах, не кривитесь. Грибоедов. Но это все равно. Мелочь. Пока мелочь. А что – после? Дальше все от вас зависит. Именно.

– Что вам надо?

– У вас красивые ноги. Я думаю, они стоят порванных бумажек. Замахнуться? Ударить? Со всей силы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.